

РУССКИЙ САМАРКАНД: КТО ПРИВЕЛ К ОБСЕРВАТОРИИ УЛУГБЕКА

Открытие обсерватории Улугбека навсегда связано с именем Василия Вяткина. Но рядом с ним был и «коренной» Абу Саид Махзум.

Практически сразу после завоевания Самарканда таинственный пригородный холм По-и-расад привлек внимание русских. Командированный сюда генерал-губернатором Туркестанского края для поисков библиотеки Тимура востоковед и этнограф Александр Кун неоднократно посещал это место. Что нашло отражение в изданном им позднее «Туркестанском альбоме».

Затем археолог Н. И. Веселовский и краевед Л. С. Барщевский расспрашивали местных жителей о местонахождении обсерватории Улугбека, пробовали даже вести раскопки, но безуспешно.

Первым человеком, правильно указавшим местонахождение исчезнувшей обсерватории, был большой знаток края В. П. Наливкин. Он полагал, что ее следует искать на берегу арыка Оби-Рахмат, в окрестностях Самарканда, близ тогдашней почтовой дороги на Ташкент.

«Это место, – писал Наливкин, – имеет вид холма с несомненными пустотами внутри и следами раскопок, производившихся туземцами».

Он доказывал, что не только бытовали слова «По-и-расад», «Тал-и-расад», но и делались попытки проникнуть в тайну развалин и чем-нибудь там пожить. Прошло, однако, целых десять лет, прежде чем догадка Наливкина подтвердилась.

В. Л. Вяткин, отлично владевший восточными языками, обнаружил в одном документе XVII века указание на то, что один из участков по арыку Оби-Рахмат именовался «Тал-и-расад» (т. е. холм обсерватории). Документ трехсотлетней давности, подтвердил правильность бытующего в народе названия холма (По-и-расад)...

Активно участвовал в поисках обсерватории самаркандский житель Абу Саид Махзум, сын мударриса (преподавателя) медресе Шейбани-хана.

Человек этот, получивший духовное образование, с юных лет интересовался историей родного города: он, как никто другой, был знаком со всеми архитектурными достопримечательностями средневекового Самарканда и его окрестностей. Кроме того, Абу Саид был известен в городе не только как собиратель и обладатель коллекции восточных рукописей, но и как прекрасный каллиграф, свободно владевший арабским языком.

К нему неоднократно обращались русские ученые с просьбой о копировании надписей на архитектурных памятниках Самарканда. И вполне закономерно, что обширные познания самаркандца обратили на себя внимание Н. И. Веселовского, осуществлявшего в середине 1880-х годов раскопки на городище Афрасиаб.

Между ними установились дружеские отношения. В знак уважения к известному ученому Абу Саид в 1896 году подарил Веселовскому прекрасно выполненную копию рукописи Абу Тахира Самарканди «Самарийя» (середина XIX века), содержащую ценнейшие сведения об истории Самарканда и его окружи. Подарок свой он сопроводил витиеватой восточной надписью: «Эта книга, сладостью превосходящая сахар, в подарок Вам пришла из Самарканда. В ней собраны все следы и признаки времен, и в действительности, как посмотришь, словно весь Самарканд к Вам прибыл».

В 1904 году Веселовский издал таджикский текст этой рукописи в Петербурге, со своим предисловием. В нем было отмечено, что Мирза Абу Саид Махзум является «одним из самых начитанных в мусульманском мире» жителей Самарканда. Нет сомнения, что именно это обстоятельство и сделало его ближайшим и наиболее полезным сотрудником В. Л. Вяткина в период поисков обсерватории.

Хорошее знание письменных источников сочеталось в этом человеке с прекрасным знанием исторической топографии Самарканда. И потому Вяткин не раз консультировался с Абу Саидом при изучении неясных мест в текстах восточных рукописей, в частности, вакуфных документов, содержащих подробные описания пригородных мест Самарканда.

Он писал: «Абу Саид стал моим неизменным ученым советником и оказывает мне немалую помощь с редким усердием и бескорыстием».

Абу Саид помогал Вяткину собирать народные поверья и легенды об обсерватории, выписывал известия о ней из различных восточных рукописей. Обобщив собственные сведения с материалами своего помощника, Вяткин приступил к раскопкам, и вскоре была обнаружена высеченная в скалистой толще земли и уходящая вглубь узкая щель. Это и был секстант – главный инструмент средневековой обсерватории, служивший для визуального наблюдения за светилами и определения основных постоянных астрономических величин.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях по представлению корифея востоковедения В. В. Бартольда отметил заслуги Абу Саида Махзума специальной премией. В своем ходатайстве маститый ученый писал, что «сведения, сообщенные Л. В. Вяткиным, показывают, что помощь Абу Саида была для него очень ценна как при установлении места обсерватории Улугбека, так и при производстве раскопок».

На своем заседании, состоявшемся 11 февраля 1909 года, Русский комитет единогласно постановил удовлетворить ходатайство В. В. Бартольда.

Абу Саид ненадолго пережил открытие знаменитой обсерватории. В одном из своих писем академику В. В. Бартольд (1910 г.) В. Вяткин сообщал, что «весной на раскопки цитадели (городище Афрасиаб – Р. Н.) Абу Саид раза два-три приезжал... но был уже крайне плох». А в очередном письме (от 10 декабря 1910 г.) самаркандский краевед известил: «Умер Абу Саид»...

Рубен Назарьян

<https://vesti.uz/russkij-samarkand-kto-privel-k-observatorii-ulugbeka/>

РУССКИЙ САМАРКАНД: ЛИХОЕ ОГРАБЛЕНИЕ ГУР-ЭМИРА

Весной 1905 года весь Туркестанский край облетела сенсация-был ограблен Гур-эмир, мавзолей самого Тамерлана.

Под покровом ночи к Гур-эмиру подкатила видавшая виды арба с четырьмя «пассажирами». Полусонные сторожа не обратили на нее никакого внимания и были застигнуты врасплох.

Пришельцы не церемонились: достав револьверы, угрозами и пинками согнав насмерть перепуганных хранителей мавзолея в подвал, они деловито стали выламывать из входного портала усыпальницы цветную мозаичную плиту. Налетчики погрузили ценную добычу и связав охранников, умчались в неизвестность.

Лишь под утро очоленные от холода и едва пришедшие в себя сторожа стали давать чинам полиции невнятные и во многом противоречивые показания.

Столь дерзкое преступление мусульмане признали святотатством, вызвавшим широкий общественный резонанс. Происшествие это взбудоражило весь Туркестан, породив сплетни и самые нелепые слухи.

Власти направили в помощь местным сыщикам опытных столичных. Однако длившееся более двух лет следствие не дало никаких результатов: плита бесследно исчезла. Уголовное дело было прекращено и сдано в архив, а самаркандцам пришлось смириться с утратой уникальной реликвии.

Впрочем, на этом история не окончилась, получив небезынтересное продолжение. В марте 1908 года министр иностранных дел России получил письмо, подписанное гофмейстером «двора Его Величества», председателем Императорской археологической комиссии, председателем Совета объединенного дворянства подполковником графом А.А. Бобринским. В послании говорилось о том, что после прокладки в Туркестан Закаспийской железной дороги в край хлынули толпы иностранцев: «Началось безжалостное расхищение древностей, особенно цветной майолики, которая сделалась предметом продажи иностранцам, увозящим ее за границу. Местная же администрация, ограничиваясь лишь полицейскими мерами, не в состоянии была бороться с этим злом».

Широкий спрос на древности породил в Туркестане целый сонм преступников, специализировавшихся на грабежах архитектурных памятников, не брезговавших ради наживы ничем. В подтверждение своих слов граф напомнил министру об ограблении самаркандского мавзолея Гур-эмир.

К тому времени стало известно, что выкраденная плита была увезена похитителями за пределы России и продана неизвестными лицами в берлинский Фридрих-музеум. Возмущенный этим событием граф Бобринский посчитал недопустимым, «чтобы украденная в одном государстве вещь могла бы служить украшением музея другого государства». В связи с этим он попросил «министра иностранных дел возбудить перед Прусским правительством ходатайство о возвращении плиты в Россию для водворения этого памятника на прежнее место в мечети Гур-эмир».

Чтобы преодолеть бюрократические препоны, Бобринский обратился напрямую к министру финансов Российской империи графу В.Н. Коковцеву: «Весною 1905 года в Самарканде несколько вооруженных туземцев сделали нападение на мечеть, где похоронен Тамерлан, и выломали находившуюся над входом мозаичную плиту из цветных изразцов с надписью, что «здесь находится гробница Эмира Тимура Курегана».

Поиски местной полиции не увенчались успехом: ни виновники похищения, ни самая плита не были обнаружены. Только недавно Императорская археологическая комиссия получила извещение, что упомянутая плита находится в берлинском Фридрих-музеуме. Тогда высокие чиновники этой комиссия обратились в министерство иностранных дел с просьбой ходатайствовать перед администрацией музея о возвращении плиты в Россию».

Впрочем, немецкий музей согласился вернуть реликвию в Россию за 6000 марок. Понадобилось еще некоторое время для согласования вопроса с главой Российского государственного казначейства князем Н.Д. Оболенским, после чего все необходимые документы были представлены российскому императору в качестве «всепопданейшего доклада». Император Николай Второй 28 ноября 1908 года повелел выделить из государственного казначейства означенную сумму.

Это указание было незамедлительно исполнено: уже через день хозяйственный отдел Его Императорского Величества сообщил министру финансов о том, что председателю археологической комиссии отпущена необходимая сумма на возмещение Берлинскому Фридрих-музеуму убытков по уступке России приобретенной им мозаичной плиты, похищенной в Самарканде из мечети Тамерлана.

Надо полагать, что, получив денежную компенсацию за свои издержки, администрация берлинского музея переправила мозаичную плиту в столицу России. Затем начались бурные исторические события и реликвия в Самарканд так и не попала, обретая себе прописку в восточной коллекции Санкт-Петербургского Эрмитажа...

Рубен НАЗАРЬЯН

<https://vesti.uz/russkij-samarkand-lihoe-ograblenie-gur-jemira/>

РУССКИЙ САМАРКАНД: В ШЕЛЕСТЕ ГАЗЕТНЫХ СТРАНИЦ

Имя этого человека навсегда вошло в анналы истории древнего города: именно Николай Владимирович Полторанов стал родоначальником современной прессы.

До приезда в Самарканд Н.В.Полторанов (в 1880-х годах) занимал довольно высокую должность «начальника службы пути и зданий» на строительстве Закаспийской военной железной дороги и имел типо-литографию в Ашхабаде. Получивший в России техническое образование, Николай Владимирович к тому же неплохо владел пером, публикуя свои очерки в различных периодических изданиях.

Так, например, в нескольких номерах журнала «Железнодорожное дело» (1885, № 8-11) были напечатаны его «Заметки о Закаспийской железной дороге до Кизил-Арвата». В дальнейшем, Полторанов уволился со службы и перебрался в Самарканд, ставшим через несколько лет конечным пунктом этой важной стальной магистрали.

Изучив местный промышленный рынок, он и здесь решил обзавестись собственной типографией. Что и было вскоре осуществлено. А затем, вознамерившись профессионально заняться журналистикой, Полторанов адресовал властям соответствующее прошение.

В ташкентском архиве сохранилось свидетельство канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, гласящее, что «10 августа 1889 года содержатель типографии в г. Самарканде, отставной надворный советник Николай Полторанов, обратился в главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать в этом городе, с дозволения предварительной цензуры, под его редакторством по предлагаемой при сем копии программы, ежедневную, кроме послепраздничных дней, газету под названием «Окраина».

В ноябре разрешение было получено, и 1 января 1890 года вышел в свет первый номер означенной газеты.

Кстати, в этом же прошении Полторанов извещал, что он желает «издавать еще одну газету на туземном языке», но военный губернатор Самаркандской области посчитал это намерение преждевременным.

Типография и редакция газеты «Окраина» разместились в арендованном помещении на улице Пенджикентской в одном из домов крупнейшего среднеазиатского винодела Д.Л.Филатова. Это была первая частная типография в городе, а газета стала вообще первым частным изданием не только в Самарканде, но и во всем Туркестанском крае. Первоначально она выходила ежедневно, а затем лишь два-три раза в неделю.

«Окраина» публиковала местные известия и корреспонденции из соседних регионов, театральные рецензии, фельетоны, стихи и очерки, материалы культурно-исторического, экономического и географического характера, официальные сообщения.

За четыре года ее существования в Самарканде в качестве приложения к газете были выпущены 25 оригинальных брошюр. Уже в первый год своего издания детище Н.В.Полторанова удостоилось высокой награды – малой серебряной медали «за типографские и полиграфические работы» — на Туркестанской выставке. В том же, 1890 году, редактор издал в собственной типографии книгу своих очерков о строительстве стальной магистрали под названием «Заметки о Закаспийской железной дороге с 1880 по 1889».

Николай Владимирович стал известной и влиятельной личностью в Самарканде. Ни одно важное мероприятие в городе не обходилось без его участия. Полторанов был не только издателем и редактором, но и активным членом нескольких общественных организаций и бессменным председателем местного общества покровительства животным. Однако, несмотря на все это, газета не приносила ожидаемого дохода, и ее издание в условиях провинциального Самарканда оказалось делом непростым и весьма хлопотным.

Не ощущая поддержки местных властей и не имея достаточных материальных средств, редактору и владельцу газеты постепенно приходилось сокращать тираж «Окраины» и периодичность ее выпуска. А в конце четвертого года издания газеты Полторанов, исчерпав свои моральные и материальные ресурсы, объявил читателям, что с 1894 года «Окраина» будет издаваться в Ташкенте «при совершенно новом составе редакции». Взамен ее в Самарканде, извещал он читающую публику, будет выходить лишь «Листок телеграмм Северного Агентства и объявлений» под редакцией его супруги Антонины Николаевны Полторановой...

С изданием газет Самарканду фатально не везло и в последующие годы.

В первом же номере переехавшей в Ташкент «Окраины» в колонке редактора было сказано: «Четыре года тому назад с такими же точно, по всей вероятности, светлыми надеждами на будущее начинала свое существование единственная частная газета Туркестана «Окраина» в городе Самарканде. Несколько лет упорной борьбы с жизнью надорвали ее силы, и старая редакция отказалась вести дело... Являясь на смену уставших товарищей, мы не беремся решать вопрос, кто был виноват в безвременной кончине газеты – равнодушие ли публики или нетерпение старых руководителей дела».

Спустя несколько лет (в 1898 году) в своей докладной записке Туркестанскому генерал-губернатору ее новый владелец Самуил Петухов, столкнувшись с теми же трудностями, сетовал на то, что он «...в 1893

году приобрел покупкою от редактора-издателя уже существовавшей в г. Самарканде газеты «Окраина» право на ее издание, перенеся эту газету из столь неудачно избранного пункта в г. Ташкент...».

Кстати, и приобретенная им газета тоже прожила в столице края те же недолгие четыре года. О попытках ее реанимации сообщалось в заметке «Реплика недовольного»: «Около года тому назад исчезнувшая с горизонта «Окраина», по-видимому, собирается возникнуть вновь. Ее редактор Петухов состоит членом городского управления...». Однако же газете так и не суждено было воскреснуть.

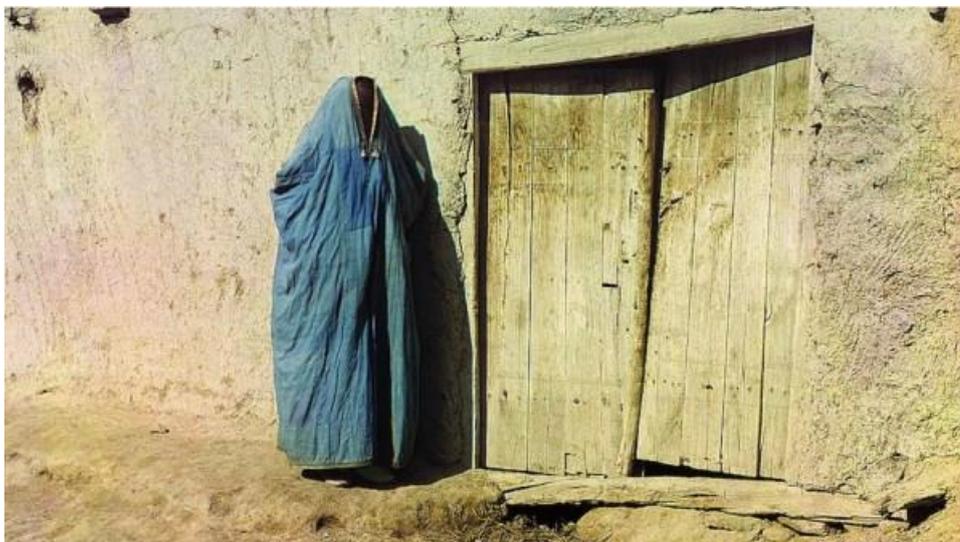
Небезынтересно, что в том же самом номере «Туркестанских ведомостей», где была помещена предыдущая заметка, опубликован отчет об открытии в Самарканде женской гимназии. Выступая там на торжественном собрании, генерал-губернатор Туркестанского края С.М. Духовской, перечислив многие достижения областного центра, посетовал, что городу «не достаёт еще, впрочем, органа гласности – собственной газеты. Бежавшая из негостеприимного Самарканда первая частная газета в крае – «Окраина» — может быть, встретила бы теперь более благоприятную почву для своего существования».

Лишь десятилетие спустя, с 1 мая 1904 года, начала издаваться в городе вторая газета — «Самарканд», деятельность которой носила ярко выраженный революционный характер. За слишком смелые антиправительственные публикации издание это неоднократно закрывалось властями, но, изменяя свои названия («Новый Самарканд», «Русский Самарканд», «Зеравшан»), продолжало свое существование целое десятилетие, вплоть до 1913 года. Уже осенью 1905 года во время народных волнений глава Самаркандской области докладывал туркестанскому генерал-губернатору, что газета эта «первоначально стала издаваться на средства бакинского купца — армянина Демурова. В скором времени во главе ее стал дворянин Михаил Владимирович Морозов, и с этого момента она стала приобретать все более революционный оттенок».

В ноябрьском номере «Самарканда» того же года сам Морозов писал, что эта газета была мечтой «местных русских людей. Но осуществить эту мечту удалось лишь благодаря отзывчивости местного армянского священника (Рубена Бекгульянца. – Р.Н.), нашедшего живой отклик в К.Х. Слиянове, который вложил в это дело свои личные средства и средства своего доверителя Г.И. Демурова, сказавшего, что выйдя из среды народа, он горд и счастлив служить этому народу, чем умеет».

Более того, продолжал редактор, оба армянских коммерсанта – Демуров и Слиянов – «не ограничились изданием хорошего слова, но и первые (во всем Туркестанском крае. – Р.Н.) откликнулись на хорошее дело, введя сначала девяти, а затем и 8-часовой рабочий день». Этим демократические реформы в типографии газеты не окончились – там согласились бесплатно лечить рабочих, и платить им месячное жалованье за время болезни, вежливо обращаться с рабочими и не увольнять их без особо важных причин, в случае же увольнения выплачивать жалованье за один месяц вперед и т. п.

Смелый тон, бесстрашие издателей и редакторов газеты озадачивали и поражали ее читателей даже и в Европейской России. Премьер-министр империи П.А.Столыпин, отвечая на реплику английского журналиста, заявившего, что в России нет свободы печати, резонно заметил: «А вы познакомьтесь с газетой «Самарканд», почитайте, как она свободно пишет».

В эти же годы некоторое время в Самарканде печаталась и другая, менее воинственная – либеральная по своему характеру — газета «Русская окраина». Но и ее век был короток.

Лишь советская власть поставила прессу в Самарканде на прочную государственную основу. Отсюда впоследствии вышли десятки, сотни известных журналистов.

Рубен НАЗАРЬЯН

<https://vesti.uz/lr-939/>

РУССКИЙ САМАРКАНД: ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ СОКРОВИЩ

125 лет исполнилось со дня открытия первого в Самарканде краеведческого музея. Его основоположником был капитан Лев Барщевский, член Русского Географического Общества.

Именно он предложил властям приобрести часть его коллекции и заложить основу будущей сокровищницы. Идею горячо поддержали военный губернатор граф Н.Я. Ростовцов и московский купец Н.И. Решетников, ведший дела в Туркестане. На пару они безвозмездно дополнили коллекцию Барщевского собственными экспонатами.

Сначала дары разместили в небольшой комнатке прямо в областном управлении, а потом перевели в дом священника Алексея Надеждина при церкви св. Георгия. Так родился и ныне действующий музей, к которому не зарастает туристическая тропа.

Впрочем, был еще один человек, которому Самарканд обязан своими бесценными реликвиями. Речь идет о Михаиле Николаевиче Ростиславове, выпускнике факультета восточных языков Петербургского университета. К сожалению, многие страницы его биографии остаются неизвестными, единственно достоверный источник — некролог в газете «Туркестанский вестник» (1880, № 34).

В 1872-м году молодой ученый был направлен в Туркестанский край. Распоряжением генерал-губернатора его определили на службу в Каттакурганский отдел Зарафшанского округа, а через несколько месяцев — в 1873 году — перевели в Самарканд на должность чиновника особых поручений при начальнике округа. Здесь Ростиславов с самых первых дней проявил себя в качестве квалифицированного собирателя восточных рукописей, монет и всего прочего.

Именно Михаил Николаевич на свои деньги создал при окружной канцелярии Самарканда уникальное хранилище древностей. Его, конечно, нельзя было назвать музеем, открытым для публики. Но главное был сделан первый шаг к сбережению национального богатства.

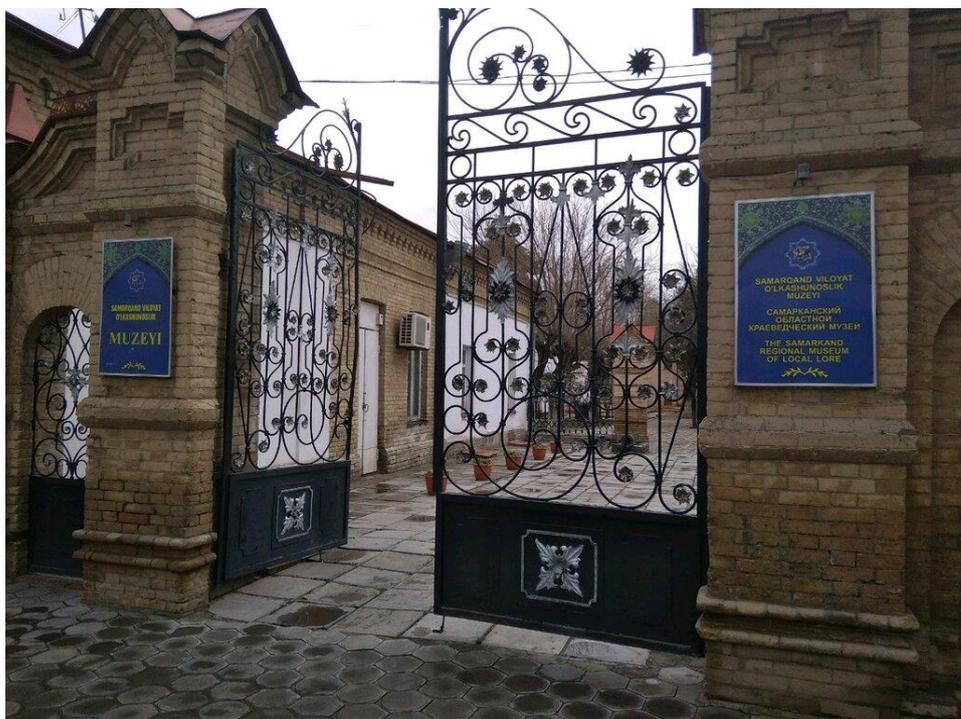
М.Н. Ростиславов отлично владел персидским и тюркским языками, изучал народные обычаи и традиции, записывал образцы фольклора узбеков и таджиков. Его любознательность распространялась и на раскопки, которые велись в 1874 году майором Борзенковым на городище Афрасиаб.

Именно Ростиславов, понимая местные названия, раньше знаменитого В.Л. Вяткина, открывшего обсерваторию Улугбека, высказал мнение, где именно ее нужно искать.

Ему же принадлежала инициатива специального комитета, ставившего целью «собирать и группировать статистический материал, без которого неполны и неясны ученые исследования». М. Н. Ростиславов был избран его секретарем.

Активно занимался он и вопросами народного образования в Туркестанском крае.

На страницах газеты «Туркестанские ведомости» Ростиславов опубликовал ряд статей краеведческого характера, в которых одним из первых обратил внимание на значение вакуфных документов в качестве исторических источников. А в своем докладе на III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 году он отметил остроту поземельного вопроса в Туркестане, его огромную важность для благосостояния края.

Хорошо зная местную специфику, он предостерегал ретивых русификаторов от поспешности. Ростиславов был убежден в том, что «как всестороннее изучение всякого нового края не может быть делом двух-трех лет, так и преобразование его, немислимое без этого изучения, должно быть постепенное, без насильственной ломки понятий и убеждений, вошедших в плоть и кровь народа в продолжение веками сложившейся жизни, которую переделать вдруг, по другой мерке, никто не в состоянии».

Увы, Михаила Николаевича Ростиславова в начале 1878 послали на Балканы, его опыт весьма пригодился в рождении княжества Болгарского после освобождения от турок.

По возвращении в Россию Михаил Николаевич посетил свою малую родину — Вологду, откуда его путь лежал в Туркестан. Но по пути он трагически погиб, утонул вблизи города Сергиополя в восточной части Казахстана.

Газетный некролог завершался словами известного российского археолога Н. И. Веселовского: «Михаил Николаевич Ростиславов оставил после себя память, как честнейший человек и даровитый труженик».

Рубен НАЗАРЬЯН

<https://vesti.uz/pervyj-hranitel-sokrovishh/>